

О.А. Курбатов
O.A. Kurbatov

**КАЗАЧЬИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ НОВГОРОДСКОГО РАЗРЯДА
И РЕФОРМИРОВАНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В 1654—1667 ГГ.
COSSACK UNITS OF THE NOVGOROD MILITARY DISTRICT
AND THE REFORM OF THE ARMED FORCES IN 1654—1667**

Аннотация:

Предметом исследования являются казачьи станицы пяти городов Новгородского разряда середины XVII в. — Великого Новгорода, Ладogi, Пскова, Опочки и Великих Лук, а именно их численность, особенности комплектования, порядок обеспечения и службы. Отдельно сказано о формировании этих военно-служилых сообществ на исходе Смутного времени и о городском казачестве на северо-западе России в целом. В ходе военных действий 1654—1667 гг. русская армия пережила несколько этапов реорганизации, известной в историографии как «создание полков “нового строя”». Основная задача исследования: рассмотреть на основании опубликованных документов и архивных материалов РГАДА — в первую очередь Разрядного приказа, — в какой степени данные военные реформы затронули упомянутые казачьи сообщества и как повлияли на те или иные аспекты их существования. В результате удалось установить, что на первом этапе боевых действий — в 1654—1658 гг. — казаки в основном сохранили прежний порядок службы. В 1659 г, в начальный период реформ, большую их часть зачислили в кавалерию — рейтарские полки Новгородского разряда. В дальнейшем, в 1662 г, городские казаки были сведены в три рейтарских полка, которые стали преимущественно казачьими. Нехватка средств и разорение хозяйства временно вынуждали часть казаков переходить в пехоту и гарнизоны. По итогам реформ казачьи станицы Новгородского разряда стали исполнять конную рейтарскую службу, сохранив прежнее внутреннее устройство.

Ключевые слова: история казачества, военная история, военные реформы XVII в., полки «нового строя», Новгородский разряд, Русско-польская война 1654—1667 гг.

Abstract:

The subject of the study is the Cossack units of five cities of the Novgorod military district in the middle of the XVII century — Veliky Novgorod, Ladoga, Pskov, Opochka and Velikiye Luki, namely their number, features of recruitment, the order for providing salaries and order of service. Separate-

ly, it is said about the formation of these military service communities at the end of the Time of Troubles and about the city Cossacks in the north-west of Russia as a whole. During the military operations of 1654—1667, the Russian army went through several stages of reorganization, known in historiography as the «creation of regiments of the “new order”». The main task of the study is to consider, on the basis of published documents and archival materials of The Russian State Archive of Ancient Acts — first of all, the Order-in-charge (Razryadny prikaz) — to what extent these military reforms affected the mentioned Cossack communities and how they affected certain aspects of their existence. As a result, it was possible to establish that at the initial period of hostilities — in 1654—1658 — the Cossacks mostly retained the previous order of service. In 1659, at the first stage of the reforms, most of them were enlisted in the cavalry — the Reitar regiments of the Novgorod military district. At the second stage, in 1662, the city Cossacks were consolidated into three regiments, which became predominantly Cossack. The lack of funds and the ruin of the economy temporarily forced some of the Cossacks to join the infantry and garrisons. As a result of the reforms, the Cossack stanitcas of the Novgorod military district began to serve as Reitar military service, retaining the former internal structure.

Keywords: the history of the Cossacks, military history, military reforms of the XVII century, regiments of the «new order», Novgorod military district, the Russian-Polish war of 1654—1667.

Новгородский разряд — административно-территориальный военный округ второй половины XVII в., включавший земли северо-запада Русского государства: Новгородские пятины, Псковскую землю с многочисленными пригородами, а также небольшие уезды Великих Лук, Торопца, Ржевы Пустой, Ржевы Володимеровой, а с 1656 г. — Твери, Торжка и Старицы. Помимо дворян-помещиков, стрельцов и пушкарского чина, на территории разряда постоянно дислоцировалось несколько отрядов ратных людей, известных под названием «казаки».

Происхождение казачьих отрядов в Новгородской земле (середина XVI — первая половина XVII в.). Городовые казачьи отряды — сотни, «приборы», затем «приказы» — появились в Русском государстве одновременно со стрелецкими в середине XVI столетия. Они получили аналогичные стрелецким организацию и порядок обеспечения, а также вооружение — ручные пищали. Основным отличием являлось наличие лошадей, что позволяло нести не только гарнизонную («осадную»), но и полевую («полковую») службу, т. е. выступать в дальние походы; в этих случаях казаки сопровождали конницу, вооруженную саадаками (луками), и при необходимости поддерживали ее огнем.

В Новгородской земле первый городской казачий отряд упомянут в 1555 г.: «прибор» торопецких казаков головы Ивана Безкунникова (150 чел.)⁷⁸. В 1577—1580 гг. упоминаются казаки из гарнизонов Корелы, Орешка, Невеля, из Полоцка и острогов вокруг этого города (Копье, Сокол, Усвят, Озерищи и Нещерда)⁷⁹, а также в ливонских крепостях Говье (Анзель) и Пернов⁸⁰. Подобно стрельцам, казаки прибирались из «вольных гулящих людей», делились на десятки, полусотни и сотни, во главе их стояли сотники и головы из детей боярских; они проживали отдельными слободами и централизованно получали денежное и хлебное жалование.

Казаки северо-запада России приняли активное участие в событиях Смутного времени. Однако пограничные крепости, в которых базировались их отряды, были постепенно захвачены шведами. В связи с этим по окончании Смутного времени «досмутных» казачьих отрядов здесь не осталось. Новые части были сформированы целиком за счет станиц вольных казаков, чья организация радикально отличалась от стрелецкой.

Уже в 1606 г. в войсках Пашкова, Ляпунова и Болотникова началась стихийная организация служилых людей по образцу вольных казачьих сообществ Дона и Волги. Во главе каждой станицы стоял выборный атаман, который назначал себе помощника-есаула. Численность станиц обычно не превышала нескольких десятков бойцов, хотя встречались отряды и покрупнее. В Великом Новгороде первый такой отряд — казачий «прибор» атамана Тимофея Шарова (200 чел.) появился уже во времена царя Василия Шуйского и воеводы князя М.В. Скопина-Шуйского. Похоже, он состоял из казаков, присягнувших правительству после поражений 1606—1607 гг. Казаки Шарова активно сражались в 1608—1611 гг., но после взятия Новгорода шведами — и гибели их атамана — были вынуждены уйти под Ярославль, примкнув к земским ополчениям⁸¹.

В 1613 г. целый ряд казачьих отрядов проник в новгородские и псковские места с нескольких направлений: под Тихвин, к Бронницам,

⁷⁸ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. I. СПб., 1846. С.135 (№ 80).

⁷⁹ Ливонский поход царя Иоанна Васильевича Грозного в 1577 и 1578 годах // Военный журнал. 1853. № 5. С. 100; № 6. С. 89; Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571—1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы. (Monumena Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia). Т. III. Москва; Варшава, 1998. С. 28, 29, 42. 43.

⁸⁰ Документы Ливонской войны... С. 60, 92, 93, 108, 109.

⁸¹ Курбатов О.А. Ратники князя С.В. Прозоровского — защитники Ростовского Борисоглебского и Тихвина монастырей в 1611—1614 гг. // Преодоление Смуты в России в начале XVII века. М., 2012. С. 54—58.

под Гдов. По окончании боевых действий в 1617 г. на северо-западе осталось около тысячи казаков, и они в основном и составили ядро казачьих городских отрядов Новгородского разряда.

Новгородский и ладожский казачьи гарнизоны составили тихвинские «плавные казаки». После героической обороны Тихвина 1613 г. казаки создали речную флотилию и развернули партизанскую борьбу на шведских коммуникациях. Когда в 1617 г. шведы передали царским властям Новгород и Ладогу, в Новгороде поселилось 5 казачьих станиц (372 чел., затем 325 чел.), а в Ладоге — одна, потом две станицы (до 124 чел.). Крупный отряд находился во Пскове. На 1618 г. он также состоял из 5 казачьих станиц, которые делились на конных и пеших казаков: 84 конных и 149 пеших рядовых. Южнее, в состав опочецкого гарнизона были приняты ратные люди из Себежа, сданного полякам по Деулинскому перемирию 1618 г. Долгое время в списках его числилось 70 казаков «опочецких и себежских»⁸².

Помимо Новгорода и Пскова с пригородами, казачьи отряды обосновались на Луках Великих. Они прибыли из Невеля, поскольку последний был передан полякам в 1618 г. Луки, сожженные в 1610 г. во время Смуты, были восстановлены, и свыше 200 казаков значительно усилили городской гарнизон. В 1633 г. русские снова захватили Невель и отдали его опять по Поляновскому мирному договору 1634 г. Созданный за время Смоленской войны отряд невельских казаков — 57 человек с атаманом — был также особой станицей поселен на Луках. С 1631 г. 119 луцких атаманов и казаков числились поверстанными поместными окладами, но фактически поместья получили не более 30 человек — остальные продолжали служить с денежного и хлебного корма⁸³.

Конные и пешие казаки составляли значительную долю в структуре вооруженных сил северо-запада Русского государства. Устройство их станиц не было унифицировано, однако сами отряды сохранились в неприкосновенности: в этом боевом братстве, сложившемся в годы Смуты, заключался залог боеспособности поселенных подразделений. Такие же станицы беломестных можайских и ярославских (по местам разбора и верстанья) казаков, в городах замосковского края, заочких и украинских, состояли в ведении Челобитенного приказа и первое время имели маргинальный характер: с мизерным жалованием, отчасти

⁸² Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с высочайшего соизволения II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1853. Т. 1. Стб. 175—178, 521—524, 640—643, 1134—1136.

⁸³ Малов А.В. Ратные люди Великих Лук накануне Смоленской войны (от разбора служилых «городов» 1630 г. до начала военных действий в октябре 1632 г.) // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 98—156.

без оружия, они были едва пригодны к «осадной» службе. Напротив, казаки северо-запада, как конные, так и пешие, находились в постоянной готовности к «дальней» службе, исправно получая жалование из Новгородской четверти; несколько десятков наиболее именитых атаманов и казаков в Псковском и Луцком уездах были даже реально поверстаны поместьями. Стремясь сократить окладные расходы Новгородского приказа, правительство боярина Бориса Морозова в январе — феврале 1648 г. выдвинуло проект отмены казакам и ряду других служилых категорий этого ведомства денежного и хлебного жалования в обмен на земельные наделы. Однако Соляной бунт в Москве и другие восстания положили закономерный конец подобным инициативам⁸⁴, и больше правительство царя Алексея Михайловича к ним не возвращалось.

Городовые казацьи отряды в 1654 — начале 1659 гг. Накануне Русско-польской войны 1654—1667 гг. в Новгороде числилось 380 казаков конных и пеших, а в Ладого — по-прежнему 100 пеших. Во Пскове оставалось всего 95 человек «верстанных и неверстанных» конных казаков (в том числе несколько поместных), а на Опочке — 40 опочецких казаков с атаманом Яковом Шамихиным и 30 себежских казаков атамана Давыда Затеплинского. Эти почти 650 чел. (400 конных и 250 пеших) получали денежное жалование из доходов Новгородской четверти. Хлеб же им выдавали из государевых дворцовых запасов, поскольку «четвертных» доходов было мало и покупать зерно на торгу в необходимых объемах не получалось.

Великолуцкие конные казаки ведались в Разрядном приказе, и несколько десятков из них были наделены поместьями. Уже по сметам 1651 г. в этом отряде насчитывалось 337 атаманов, есаулов и казаков, в том числе 142 «верстанных» и 195 «кормовых». Среди последних была и невельская станица. К 1653 г. численность всей луцкой казачьей корпорации возросла до 383 человек.

Во внутреннем устройстве казачьи отряды сохраняли станичную организацию. Особенностью новгородских станиц было деление на десятки во главе с десятниками. Все станицы одного города в мирное время подчинялись отдельному казачьему голове, который ведал их в судебном отношении. Должность казачьего головы считалась «приказной» для дворян Новгородского разряда и приносила немалые доходы; головы периодически менялись подобно воеводам. Сотни городовых казаков приняли участие в боевых действиях начиная с летнего похода 1654 г. — большей частью в Новгородском полку В.П. Шереметева, а опочецкие — в полку псковских воевод.

⁸⁴ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. III. СПб., 1848. С. 129—147.

В полках станицы одного города объединялись в отдельные сотни во главе с сотенным головой из дворян вне зависимости от численности. Например, луцкая сотня в Брестском походе 1655 г. насчитывала 323 человека, псковская — 80 человек. Однако пешие и конные казаки служили в особых подразделениях: в том же 1655 г. новгородскими пешими казаками командовал голова Иван Володимеров, а конными (177 чел.) — голова Мирон Поскочин.

Характер службы казаков быстро поставил их на особый счет у царских воевод. Казачьи станицы представляли собой вполне боеспособную конницу, пусть и с ограниченным вооружением (только сабли и самопалы, очень редко пистолы), но получали денежное и хлебное годовое жалование подобно стрельцам. Это давало возможность оставлять их на службе в зимнее время, когда дворянской коннице требовался отпуск в поместья. С началом Русско-шведской войны 1656—1658 гг. правительство предприняло меры по повышению боеспособности казаков. В частности, ладожские пешие казаки, которые поступили летом 1656 г. под начало воеводы Петра Потемкина, были обеспечены лошадьми и к концу войны (весна 1658 г.) представляли собой уже конный отряд⁸⁵.

Осенью 1658 г., когда главные силы Новгородского разряда находились под Нарвой при «посольских съездах» (в Валиесари), вспыхнул мятеж украинских «черкас» и «присяжной» шляхты в Литве. Чтобы не потерять важные пункты на Западной Двине, псковский воевода князь И.А. Хованский срочно отправил к Опочке и Себежу сводный отряд головы Алексея Нашокина, в котором его сотне новгородских новокрещенцов (85 чел.) было придано свыше 700 луцких, новгородских, псковских, опочецких и донских казаков (10 ноября 1658 г.)⁸⁶. На фоне поместной конницы Псковского полка, которая в январе 1659 г. сократилась до тысячи всадников сотенной службы, они представляли собой значительную силу, способную решать уже самостоятельные оперативные задачи.

Уникальный документ — послужные именные списки по сотням, составленные сотенными головами после победы под Мядзелами 29 января 1659 г., — позволяет подробнее рассмотреть устройство казачьих отрядов Новгородского разряда накануне реформы 1659 г. — как раз в моменты их отправки на Опочку и самой битвы⁸⁷. Подсчеты, сделанные по именным спискам, надежно проверяются сводными цифрами «смотренного списка» полка князя Хованского⁸⁸.

⁸⁵ Курбатов О.А. Военные реформы в России второй половины XVII в. Конница. М., 2017. С. 63—67.

⁸⁶ Курбатов О.А. Русско-польская война 1654—1667 гг. М., 2019. С. 117—121.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 488. Л. 102—136, 211—221.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 351. Л. 69—71.

Сотня новгородских конных казаков новгородского дворянина Мирона Парамоновича Поскочина включала две казачьи станицы: Федора Клементьева (1 есаул, 5 десятников и 45 казаков) и Тимофея Болотова (9 десятников и 79 казаков). Остальные казаки-новгородцы, как и отряд ладожских казаков, в 1658 г. несли службу в Ижорской земле и в состав Псковского воеводского полка не входили.

Станицу псковских казаков атамана Василия Евстафьевича Рудакова (1 есаул, 84 рядовых казака) возглавлял сотенный голова пусторжевец Семен Иванович Зубатов. Шестеро псковских казаков числились в «нетях». Опочецкими казаками атамана Игнатия Федоровича Кострова (1 есаул, 1 подзнаменщик, 51 рядовой)⁸⁹ командовал также пусторжевец Григорий Андреевич Шетиллов.

Сотню луцких казаков возглавлял псковский дворянин Ермола Иванович Байков, она состояла из станицы атамана Федора Юлина, в которую входили есаул и 148 рядовых казаков. Ко времени битвы при Мядзелах в «нетях» из этой сотни оказалось 103 поместных и «кормовых» казака — но нельзя однозначно утверждать, что все они отсутствовали в полку без уважительной причины. Целиком же городской луцкий отряд насчитывал в это время 317 всадников, из которых половина состояла в гарнизоне Вильны и при охране царских послов⁹⁰.

Городовые казачьи сотни были усилены мощным отрядом донских казаков Псковского полка, у которых роль сотенного головы исполнял майор Максим Андреевич Лошаков. Под его началом служило две станицы: атамана Леонтия Филиппова (1 есаул, 1 войсковой подьячий, 1 знаменщик, 201 рядовой казак) и атамана Ануфрия Степанова (1 есаул, 69 казаков).

В составе Псковского полка Новгородского разряда казачьи сотни были разделены между двумя воеводами-«товарищами». Старшему воеводе, стольнику князю Ивану Андреевичу Хованскому, номинально подчинялись луцкая, новгородская и донская сотни; в полк его «товарища», окольничего князя Тимофея Ивановича Щербатова, входили псковские и опочецкие казаки. Когда полководцы уряжали свои полки перед битвой, на первый план вышел показатель боеспособности этих отрядов. В итоге в состав ертаула (авангарда) были включены новго-

⁸⁹ В 1656—1662 гг. на Опочке числилось от 86 до 102 казаков, однако часть из них была обязана нести по сменам конную службу: в 1656 г. в Резице и Полоцке, а в 1662 г. в Люгине. См.: Сборник Московского архива Министерства юстиции. СПб., 1914. Т. VI. С. 434, 435, 438. (Далее Сборник МАМЮ.)

⁹⁰ Луцкие казаки в Вильно (50 чел.), луцкие казаки в охране послов (100 чел.). РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 164. Л. 243, 244, 310, 311; Оп. 17. № 214. Л. 1, 2.

родские, псковские и донские казаки — что составило более половины его боевой численности; послужные списки опочечкой и луцкой сотен слишком лаконичны, чтобы определить их место в этом построении. Однако данные о других боях показывают схожую картину. Так, в 1655 г. под Брестом (13 ноября) луцкие казаки головы жильца Кузьмы Козлова были отправлены вперед всех отрядов и «задор учинили» литовской коннице⁹¹; в 1657 г. под Валком (9 июня) донские казаки, шедшие за авангардом, выбили из деревни полк шведских драгун⁹².

Таким образом, в первый период боевых действий (1654 — начало 1659 г.) численность и организация городских казачьих отрядов существенно не изменились. Это диктовалось бюджетными условиями: в Новгородской четверти не было средств для увеличения жалования. Зато боевые и небоевые потери своевременно восполнялись за счет новых верстаней. По сути, городские казаки стали «постоянной» конницей Новгородского разряда, как стрельцы — «постоянной» пехотой. Боевая обстановка потребовала перевода пеших казаков в конный строй.

В полках порядок использования городских казаков получил свои особенности по сравнению с поместной конницей. Во-первых, они могли нести круглогодичную службу вдали от своих слобод и селений, получая положенное кормовое жалование в полках и гарнизонах. Во-вторых, в составе крупных соединений они нередко играли роль ертаула. К 1658 г. конные казачьи сотни Новгородского разряда из частей поддержки поместной конницы превратились в отряды, способные выполнять особые оперативные задачи.

Реорганизация городских казачьих отрядов в 1659—1661 гг. Примерно в марте 1659 г. в Новгородском разряде стартовала первая крупная реорганизация конницы «полковой службы». Рейтарские полки в предыдущих кампаниях показали свою высокую боеспособность по сравнению с массами сотенной конницы; в 1649—1653 гг. был подготовлен кадровый резерв для замещения офицерских должностей в новых полках и ротах; к 1659 г. созданы определенные запасы кавалерийского вооружения и доспехов. Вслед за формированием рейтарских частей в Белгородском разряде (1657—1658 гг.)⁹³ правительство приступило к созданию новых полков в Смоленске и Новгородской земле,

⁹¹ Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. Т. 2. СПб., 1861. С. 664, 668, 670, 674.

⁹² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 340. Л. 193, 194.

⁹³ *Курбатов О.А.* Очерк истории конных полков «нового строя» русской армии от начала их существования до окончания русско-шведской войны 1656—1658 гг. // Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы. Вып. 3. М., 2014. С. 90—136.

а затем в Поволжье и Сибири (1659 г.). Офицерский состав присылался из Москвы, а в рядовые рейтары записывали дворян, неспособных нести «дальнюю службу» без жалования, только с поместий. Чтобы довести полки до штатного состава, их дополнили городовыми казаками из всех старых станиц.

В новгородский рейтарский полк Дениса Денисовича Фонвизина (1000 чел.) поступила большая часть новгородских казаков. Во втором по старшинству, псковско-луцком по составу полку Томаса Бойта (1000 чел.) оказались городовые казаки из Пскова, Лук Великих и Опочки. Третий полк, также новгородский, Мартина Реца (800 чел.) включил в свой состав весь городской отряд ладожских казаков. Распределение это было, видимо, закреплено соответствующими документами и повторилось при новом сборе войск в 1661 г. Однако при росписи в роты сословный принцип уже не соблюдался, и казаки внутри полков не составляли отдельных отрядов⁹⁴. Начальные люди не заботились о соблюдении «чести» рейтар в этом плане: дети боярские разных городов, казаки разных станиц являлись для них просто рядовыми рейтарами. Судя по челобитной луцких казаков 1665 г., при переводе в рейтары казачье жалование заменялось им на рейтарское: «В прошлом, Государь, во 167-м году по твоему, Великого государя, указу и по приказу твоего государева боярина и воеводы князя Ивана Ондреевича Хаванского с товарищи взяты были мы, холопы твои, из казаков в рейтары»⁹⁵. Иными словами, лучане восприняли реорганизацию как полный перевод из казачьей службы в рейтарскую, а не как временную меру.

Все рейтары бесплатно получали казенное снаряжение — «рейтарскую службу», — которое включало колесцовый или кремневый карабин на перевязи с крюком и пару пистолей в ольстрах; снабжение «латами и шишаками» (кираса и шлем) было эпизодическим, хотя за время войны в новгородские полки обозы с доспехами регулярно присылались⁹⁶. Впрочем, отсутствие доспехов при должной дисциплине и вооруженности подразделений на боеспособности особо не сказывалось. Холодное оружие — сабли, а также конское снаряжение рейтары приобретали за счет жалования.

⁹⁴ См. списки 1—4-й рот полка А.П. Данилова (псковского, бывшего Т. Бойта) за 6 августа 1660 г.: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 64. Л. 275—360.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 148. Л. 16.

⁹⁶ Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. СПб., 1901. Т. 3. Разрядный приказ. Московский стол. 1660—1664. С. 408 (доспехи рейтар в Полоцке после службы 1659—1661 гг.), 356, 357, 411. (Далее — АМГ. Т. 3); Сборник МАМЮ. С. 163 (около 2000 комплектов доспехов во Пскове в 1667 г.).

Избежали записи в рейтарский строй в 1659 г. 96 новгородских, 39 псковских, 35 опочецких и 187 луцких конных казаков⁹⁷. Вместе с «вольными» копорскими и сомерскими казаками и новгородскими «черкасами», которые осели в Новгороде и Пскове после войны со Швецией, они составили в полку Новгородского разряда пять казачьих сотен. Таким образом, хотя в «казаки рейтарского строя» перевели почти две трети личного состава городских казачьих отрядов, командование не стало полностью упразднить казачью «сотенную службу».

В ходе череды «литовских походов» князя И.А. Хованского, которые длились с лета 1659 по март 1661 г., войска Новгородского разряда понесли большие, в каком-то смысле катастрофические потери. Одновременно резко ухудшилась вся стратегическая обстановка как в Литве, так и на Украине, и командование, отказавшись от амбициозных замыслов «дальних» походов, сосредоточилось в основном на обороне еще удерживаемых крепостей и уездов по «старому» довоенному рубежу. От боярина князя Хованского летом 1661 г. требовалось защитить города по Западной Двине и очистить от литовских «волонтеров» уезды к северу от этой реки. Для этого было необходимо восстановить численность конницы, обескровленной в штурмах Ляховичей, под Полонкой, Толочином (1660 г.) и в других боях. Поскольку срочно пополнить конные сотни «прожиточными» дворянами или казаками было проблематично, воеводы сосредоточились на комплектовании рейтарских полков, причем не только верстанием новиков, но и усиленным набором вольных людей.

Основой для этого плана послужила финансовая махинация, которая раскручивалась на западных границах с 1656 г.: ратным людям стали платить жалование медными деньгами. В Новгороде на монетном дворе чеканили сотни тысяч рублей медной монетой, и в 1660—1662 гг. большая часть этих денег уходила в полки Новгородского разряда. Монета стала обесцениваться, так что стандартного рейтарского годового жалования — 30 рублей — хватало ненадолго. Уже в августе 1660 г. князь Хованский выплатил в Полоцке рейтарам, бывшим при Полонке, по 70 рублей, бывшим «в посылках» — по 40 рублей, а остальным — по 30 рублей. Причем размер жалования у всех рейтар был одинаков — и у детей боярских, и у казаков. Весной 1661 г. выплаты при верстании в рейтары выросли до 100 рублей⁹⁸! Таким образом, финансовый фактор, который ограничивал численность казачьих станиц, перестал действовать, что позволило резко усилить вербовочную кампанию.

⁹⁷ Подсчитано автором по: АМГ. Т. 3. С. 117—119 (№ 126).

⁹⁸ *Веселовский С.Б.* Сметы военных сил Московского государства. 1661—1663. М., 1911. С. 12; РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 64. Л. 275—360 (списки четырех рот второго рейтарского полка в 1660 г.).

В первую очередь в рейтары перевели всех казаков «сотенной службы» Новгорода и Опочки и большую часть луцких и псковских. Во-вторых, в службу поверстали всех поспевших по возрасту казачьих детей и племянников. В-третьих, казачьи станицы стали пополнять вербовкой вольных людей со стороны — чего не было, видимо, со времен Смуты. Уже в апреле 1661 г. Хованский прибрал во Пскове «в рейтары и в казаки 500 чел. псковских и луцких казаков и их детей и братья и племянников и всяких чинов вольных людей, и вперед велел прибрать с великим поспешеньем, чтобы полки рейтарские построить полные»⁹⁹. По отписке от 2 мая, «на Луках Великих прибрано вновь в казаки 212 чел., а со старыми казаками 350 чел.»¹⁰⁰; поскольку вербовочная база там была ограничена, боярин стал во Пскове записывать добровольцев в список луцких казаков, и к середине мая набрал таким образом еще 54 человека¹⁰¹. Общая численность луцких казаков-рейтар к осени 1661 г. достигла 508 человек¹⁰²; похожая картина (но в меньших масштабах) наблюдается и по остальным отрядам.

«Рейтарский строй», как и любой «строй» европейского типа пехоты или кавалерии, предполагал, что низкое качество личного состава (по возрасту, уровню подготовки, физическим данным) нивелируется дисциплиной, хорошим снаряжением и эффективной тактикой. Поэтому князь Хованский не ограничился увеличением казачьих станиц или очередным призывом даточных людей с монастырей и поместий, а объявил о записи вольных людей напрямую в «новоприборные рейтары». Вероятно, это позволяло не собирать по ним «поручных записей о службе» со старых служилых людей (в первую очередь казаков), а ограничиваться круговой порукой между самими новобранцами. Например, так были записаны в рейтары 44 жителя Великих Лук («вольных людей лучан») ¹⁰³, которые либо не смогли попасть в городские казаки, либо сами не пожелали идти в «вечную службу». Всего в рейтарские списки было занесено порядка 400 вольных людей, и по ним прослеживается география тех мест, откуда они произошли. Большая часть — из Новгорода, Пскова и их пригородов, Печерского и Тихвинского монастырских посадов, а также Лук, Торопца и Ржева. Жителей Себежа и Полоцка могли записать уже

⁹⁹ АМГ. Т. 3. С. 356—357 (№ 390).

¹⁰⁰ АМГ. Т. 3. С. 375 (№ 417).

¹⁰¹ АМГ. Т. 3. С. 362 (№ 399) — «казаков луцких, которые во Пскове вновь прибраны».

¹⁰² Подсчитано автором по: РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 325 об. — 327, 347—392, 396—430.

¹⁰³ Подсчитано автором по: РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 293, 347—392.

в походе. Но обещание щедрого рейтарского жалованья заставило искать удачи в ратях князя Хованского еще и жителей Москвы, Казани, Одоева и Тарусы; четверо витебских стрельцов, «взяв Великого государя жалование», также сбежали туда «и записались в рейтарскую службу»¹⁰⁴. Через год качество личного состава ужаснуло преемника Хованского князя Б.А. Репнина: «В рейтары же збираны при боярине... Хованском посадские люди и чюхна, и те худы и в пешей строй по нуже пригодятца, потому что многие стары и дряхлы; а денег им давано по 100 рублей человеку при нем же»¹⁰⁵.

Начиная поход из Пскова к Полоцку, князь Хованский соединил всех рейтар в один полк, который за месяц вырос с 800 до 1200 человек. В июле 1661 г. он восстановил все три прежних полка (два новгородских и один псковский), а в августе сформировал четвертый. При этом под начало полковника Роберта Дугласа (или «Романа Дукляса») он отдал исключительно казаков Новгорода, Лук Великих, Пскова и Опочки — 600 чел. в 8 ротах. Поскольку большая их часть была новоприборной, в «казачьем» новом полку впервые в практике новгородских рейтар была введена должность «профоса» — полицейского чина, отвечающего за наказания для личного состава. Энергичные меры позволили князю Хованскому к августу полностью восстановить прошлогоднюю численность своей кавалерии (свыше 4500 чел.) и создать максимальную угрозу литовскому войску на западно-двинском ТВД¹⁰⁶.

Активные боевые действия на Двине затянулись до глубокой осени, так что наступившие дожди и острые перебои с продовольствием нанесли войскам Новгородского разряда сокрушительный удар. Большая часть солдат и рейтар в этих условиях разбежалась по домам или «в жилые места». Если в дворянских сотнях и ротах бойцы еще держались, то в рейтарском полку Дукляса к 20-м числам октября осталось едва 200 рядовых — да и те «разбрелись» из полка в последующие пару недель¹⁰⁷. Второе сражение при Кушликовых Горах (25 октября) было проиграно Хованским, но этот тактический проигрыш не обернулся таким же разгромом, как при Полонке. Уже в начале 1662 г. беглые рейтары вернулись под свои знамена — благо воеводы отвели полки из Полоцка в те самые «жилые места» — на Луки Великие, а оттуда в Новгород и Псков.

Вторая реорганизация рейтарских полков и городское казачество Новгородского разряда (1662—1667 гг.). В начале 1662 г. лихого

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 347—392; Столбцы Новгородского стола. № 132. Л. 128, 129.

¹⁰⁵ Веселовский С.Б. Сметы военных сил... С. 12.

¹⁰⁶ Курбатов О.А. Военные реформы... С. 114, 115.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 397—416.

полководца князя Хованского сменил во главе Новгородского разряда старый, опытный администратор боярин князь Борис Александрович Репнин. Одним из основных направлений его деятельности стало восстановление боеспособности войск разряда и их реорганизация. Князь имел опыт руководства разными территориями и умело применил его в северо-западных землях. При этом он учитывал, что задачи новгородских полков существенно изменились. Если прежде они представляли собой мощные ударные группировки для решения стратегических задач в Литве или Ливонии, то теперь вся тяжесть боевых операций переносилась на юго-запад: возобновилась борьба за возвращение Украины. На этом фоне задачи войск Смоленского и Новгородского разрядов были ограничены защитой порубежных крепостей и борьбой с набегами литовских «волонтеров» на русские уезды. От конницы теперь требовалось не сокрушать армии противника в генеральных битвах, а нести сторожевую службу и оперативно реагировать на вражеские рейды — почти как на степных рубежах.

В организационном плане это привело к перетасовке городских отрядов внутри «рейтарского строя» и ряду других мероприятий. Князь Репнин сохранил прежнее число рейтарских полков (четыре), но теперь они оказались привязаны к трем основным центрам — Новгороду, Пскову и Лукам Великим. Туда же приписывались и конные сотни, и гусарские роты, сформированные из дворян в 1660 г., — по месту жительства их рядовых. Пришлось тщательно учитывать разные условия и порядок службы рейтар из детей боярских, казаков, даточных и т. п., поскольку хождение медных денег после Медного бунта 1662 г. было постепенно отменено, а жалование серебряными деньгами выдавалось в урезанном размере, нерегулярно и нередко заменялось на выплату товарами, «мягкой рухлядью» или кафтанами¹⁰⁸.

В Новгороде по-прежнему базировались два рейтарских полка. Один из них назывался теперь первым, или дворянским — полностью из детей боярских; офицерский состав, за исключением командира-иноземца, также был из дворян Новгородского разряда. Второй полк, напротив, был набран из рейтар незнатных категорий: новгородских и ладожских казаков во главе с их атаманами, монастырских слуг и дворянских даточных; туда же включили более сотни пресловутых «новоприборных рейтар» из вольницы. Рейтарский приказ специально для обучения этого полка прислал 46 иностранцев, прибывших в Россию из Любека, во гла-

¹⁰⁸ Курбатов О.А. Военные реформы... С. 123—127, 130—140, 165 (кафтаны луцким рейтарам). Кафтаны выдавались двух типов: либо «шубные», как рейтарским ротам в гарнизонах Полоцка и Витебска в 1666—1667 гг., либо в виде «кумача» — отреза на легкие летние кафтаны.

ве с полковником Готлибом Фоншейном. Для русской кавалерии 1660-х гг. подобный состав начальных людей для рейтарского полка был крайней редкостью, так что перед нами, возможно, некий эксперимент, желание командования посмотреть на практике мастерство кавалерийских офицеров из Европы. Уже в мае 1662 г. начались занятия с 20 трубачами, выбранными из казаков и вольных людей, а в конце июня полк выступил на службу в Опочку раньше остальных новгородцев¹⁰⁹.

Казаков поначалу вновь распределили равномерно по разным ротам полка Фоншейна, однако оба городских отряда вскоре стали играть самостоятельную роль. Уже при сборе в поход ладожские казаки, получив жалование, самостоятельно ездили из Ладоги «для лошадиные покупки в Тихвину и Заонежье» и только после этого явились в полк. В феврале — марте 1663 г. рейтар Фоншейна временно перебросили из Новгорода на Луки, однако без ладожских казаков, явно отпущенных по домам ввиду конского падежа и бедности. В июле — августе 1663 г. новгородские казаки вместе с монастырским слугами, но уже без начальных людей, были отправлены в крепость Лютин «для хлебного збору». В кампанию 1664 г. полк Фоншейна состоял из одних казаков и новоприборных рейтар и насчитывал от 200 до 400 всадников; характерно, что после поражения под Витебском (6 июня 1664 г.) 118 новгородских казаков во главе с атаманом Тимофеем Болотовым явились в Новгород ввиду потери запасов, а также отчасти лошадей и оружия. Их не стали наказывать, а выдали по 2 рубля серебром в зачет жалования будущего года и отправили обратно в полк на Великие Луки. Через год в полку числились 151 новгородский и всего 38 ладожских казаков (из общего числа 480 бойцов). Он был слабо обеспечен жалованием и поэтому представлял собой незначительную боевую единицу: многие рейтары быстро теряли лошадей и не имели средств купить новых¹¹⁰.

Псковский рейтарский полк в чем-то был подобен по составу полку Фоншейна, поскольку местные дворяне предпочитали служить в сотнях или «гусарском строе». В его состав вошли уже все поголовно псковские и опочечские казаки, а также местные рейтары из вольных людей и разного рода даточные. Псковская казачья станица выросла со 110 чел. в 1662 г. до 287 чел. в 1667 г.; в том числе 34 человека казачьих детей и родственников были «выбраны в трубачи и литаврщики» рейтарского полка. На Опочке по старым спискам еще числилось 20 казаков, отдельных от рейтар, однако к 1668 г. все стали «казаками конными

¹⁰⁹ Коротков В.О. Командиры полков «иноземного строя» в России во второй половине XVII в. Дисс. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2022. С. 57; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 127. Л. 305; № 126. Л. 218.

¹¹⁰ Курбатов О.А. Военные реформы... С. 145—150.

в рейтарском строе» (101 чел.)¹¹¹. Уже в кампанию 1665 г. «вольные люди рейтары» исчезают из списков полка как категория. По всей видимости, в 1663—1665 гг. воеводы забраковали пресловутую «чюхну и малых робят», набранных князем Хованским в рейтары в 1661 г., а годных к службе все же поверстали в казачьи станицы. Непреодолимые сложности с приобретением лошадей приводили к тому, что в «скорые посылки» отправлялась лишь часть рейтар — отборная конная рота, а остальные выступали в пешем строю, получая мушкеты и бердыши вместо «рейтарской службы»¹¹².

Луцкий рейтарский полк практически сразу стал «казачьим». Отводя полки с Лук в Новгород и Псков, князь Хованский уже в конце 1661 г. собрал всех лучан из полков Давыда Зыбина и Роберта Дугласа в 8 рот и оставил их в городе для обороны уезда в качестве сводной «шквадроны» (эскадрона). «Шквадрона» насчитывала около 500 казаков и 40 вольных людей. Дети боярские Луцкого уезда добились в основном перевода в другие службы, и в рейтарах их осталось человек 10 беднейших. Для доукомплектования полка к нему приписали таких же захудалых детей боярских и дворянских даточных из Торопца, Зубцова, Ржева, которые составили одну-две сводные роты (в 1662 и 1665—1666 гг.). В разное время полк «луцких казаков рейтар» насчитывал от 250 до 570 рядовых — в основном из-за разных возможностей в плане их обеспечения.

Так, в сентябре 1663 г. 200 казаков во главе с атаманом И.С. Мурашовым снова перевели из рейтарской в пешую службу и временно причислили к местному солдатскому полку; к концу 1664 г. число пеших казаков выросло до 300 человек. Это было напрямую связано с рейдами литовских «волонтеров» полков Чернавского и Любека Кривого Сержанта, которые в июне 1663 г. разорили Луцкий уезд, а 30 октября выжгли посад и слободы Лук Великих, оставив местных жителей без хозяйства и средств существования¹¹³. Костяком рейтарского полка стали луцкие казаки-помещики, о которых еще князь Репнин — при всем его крайне критическом отношении к ратным людям Новгородского разряда — отзывался, что они «добры и конны».

Однако конная служба для лучан была привычнее, да и сулила жалование в 10—12 рублей против 4—7 рублей в пешей службе. Поэтому летом 1665 г., накануне нового похода, 174 казака были вновь «построены» в «рейтарский строй» и добились законного рейтарского жалования «кумачами» на кафтаны вместо денег — причем даже

¹¹¹ Сборник МАМЮ. С. 170, 438, 446.

¹¹² Курбатов О.А. Военные реформы... С. 150—156.

¹¹³ Курбатов О.А. Русско-польская война 1654—1667 гг. С. 237—241.

не по одному, а по два «кумача» на человека¹¹⁴. Известно, что луцкие рейтары в 1663—1664 гг., помимо денежного, получали хлебное жалование наравне с вольными казаками сотенной службы (копорскими и донскими), т. е. нехватка денег заставила командование отчасти вернуть дореформенный порядок их обеспечения мукой или зерном.

В июле 1666 г. все 400 всадников Луцкого полка были распланы на 4 полные роты, которые поротно несли гарнизонную службу в Полоцке и Витебске, сменяясь примерно раз в два месяца. Три такие роты состояли из луцких казаков. Подобный льготный порядок службы в период мирных переговоров в Андрусово позволил полностью изжить «бесконность» рейтар, от которой все полки страдали в 1662—1666 гг.

После полного перевода городских казаков в «рейтарский строй» исчезают упоминания о казачьих головах в гарнизонах новгородских крепостей. В полках казаками ведали их командиры и полковые воеводы, а в городах — также полковники и городовые воеводы. Любопытный случай произошел на Луках в перерыве между службами зимы и лета 1662 г. Уезжая в Москву, полковой воевода князь Ю.И. Шаховской оставил рейтар 8 рот на попечении пяти ротмистров, поскольку полковник для этих сводных рот еще не был назначен. Ротмистры из дворян повели себя как казачьи головы, ведая казаков в судебном плане по крупным денежным искам (по 50—100 рублей медными деньгами) и занимаясь вымогательством. Впрочем, особое возмущение рядовых вызвали частые смотры и учения — по несколько занятий в неделю (!), за опоздание на которые рейтар били батогами или штрафовали. Едва явившись во Псков летом 1662 г., луцкие казаки подали на ротмистров общую челобитную и несколько частных; замечательно, что начинались претензии со слов: «А тово мы, холопи твои, не ведаем, по какому указу оне нас, холопей твои, ведают»¹¹⁵.

Закономерно, что с роспуском рейтарских полков казаки снова перешли в ведение городских воевод: передача строевым рейтарским командирам из местных дворян судебно-административной власти над служилыми людьми была чревата злоупотреблениями и вызывала справедливый протест.

Выводы. Финансовый кризис начала 1660-х гг. подвел закономерную черту под первыми смелыми опытами правительства по зачислению служилых людей Новгородского разряда в полки «нового строя».

¹¹⁴ «Кумач» в XVII в. — сорт хлопчатобумажной ткани среднеазиатского происхождения разных цветов (упоминаются красный, синий, зеленый и другие цвета). Здесь под «кумачом» понимался отрез такой ткани, достаточный для пошива одного кафтана.

¹¹⁵ Курбатов О. А. Военные реформы... С. 160—167.

Исправно нести «дальнюю» конную службу, неважно, в каком «строе», ратные люди могли теперь если не с поместий, то хотя бы с исправного и зажиточного слободского хозяйства — и в случае разорения выбывали из состава «полковой службы», переходя в категорию «осадных людей». Продуманная реформа князя Б.А. Репнина позволила сохранить в составе разряда четыре рейтарских полка. Однако поскольку из трех видов конной службы — в конных сотнях, в гусарах или в рейтарах — дворяне наименее престижной считали последнюю, три полка — второй Новгородский, Псковский и Луцкий — превратились по своему составу преимущественно в казачьи; категорию «рейтар из вольных людей» упразднили, приписав последних к казачьим станицам. После 1667 г. в составе гарнизонов пяти крепостей вместо просто городских казаков числились в основном «казаки рейтарской службы», которые в случае похода вновь поступали в рейтарские полки Новгородского разряда. При этом в вопросах внутренней организации казачьих отрядов и выплаты жалования правительство во многом вернулось к дореформенным порядкам (до 1659 г.) как более продуманным и рациональным с экономической точки зрения, а также отвечающим традициям самих ратных людей — казаков.

Список литературы

1. Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1901. Т. 3. Разрядный приказ. Московский стол. 1660—1664. XXX. 674 с.

2. *Веселовский С.Б.* Сметы военных сил Московского государства. 1661—1663. Москва: Имп. общество истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1911. 59 с.

3. Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571—1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы. (Monumena Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia). Т. III. Москва; Варшава: Археографический центр, 1998. 287 с.

4. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. I. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1846. 446 с.; Т. III. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1848. 572 с.

5. Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб.: Типография Иосафата Огризко, 1861. Т. 2. 804 с.

6. Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с высочайшего соизволения II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1853.

7. *Коротков В.О.* Командиры полков «иноземного строя» в России во второй половине XVII в. Дисс. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2022. 170 с.
8. *Курбатов О.А.* Военные реформы в России второй половины XVII в. Конница. М.: «Квадрига», 2017. 304 с.
9. *Курбатов О.А.* Очерк истории конных полков «нового строя» русской армии от начала их существования до окончания русско-шведской войны 1656—1658 гг. // Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы. Вып. 3. М.: Фонд «Русские витязи», 2014. С. 90—136.
10. *Курбатов О.А.* Ратники князя С.В. Прозоровского — защитники Ростовского Борисоглебского и Тихвина монастырей в 1611—1614 гг. // Преодоление Смуты в России в начале XVII века. М.: Древлехранилище, 2012. С. 54—58.
11. *Курбатов О.А.* Русско-польская война 1654—1667 гг. М.: «Руниверс», 2019. 388 с.
12. Ливонский поход царя Иоанна Васильевича Грозного в 1577 и 1578 годах // Военный журнал. 1853. № 5. С. 94—110; № 6. С. 84—106.
13. *Малов А.В.* Ратные люди Великих Лук накануне Смоленской войны (от разбора служилых «городов» 1630 г. до начала военных действий в октябре 1632 г.) // Архив русской истории. Вып. 8. М.: Древлехранилище, 2007. С. 98—156.
14. Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. VI. Кн. 2. Псков и его пригороды. СПб.: Печатня А. Снегиревой, 1914. 555 с.

Сведения об авторе

Курбатов Олег Александрович, кандидат исторических наук, сотрудник Российского государственного архива древних актов, старший научный сотрудник Научного центра истории казачества Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет).

Information about the author

Kurbatov Oleg Alexandrovich, Ph. D., employee of the Russian State Archive of Ancient Acts, Senior Researcher of the Scientific Center of the History of the Cossacks, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (The First Cossack University).